PISCPI 207.1

PI 554

P15

P I 554 P19Cp I 207.1
Nicolau Marisiescu 872.

ШЛЬИВЕ ЗА БРАШНО.

ОДЪ

ГЛИШЕ ЗУБАНА.

У ЗЕМУНУ.

Типографія І. К. Сопрона.
1852.

Препечатано сачинителѣмъ 1861. године.

У БЕОГРАДУ.

У Правителственой Кньигопечатньи.

1861.

Инв. бр. 319107

ПРЕДГОВОРЪ.

Кадъ є обичай да свака књига има свой предговоръ, онда треба и овой неколико речи дати, нека и она осимъ књига небуде.

Читатель ће видити, да я поготову све само съ єднымъ лицемъ имамъ посла и рачуна, и да се тако разговарамо, као са удвоя.

Подалеко конѣ уставили,
Пушке пуне са коня говоре,
Єданъ другомъ люте яде даю.
(Поцерацъ Милошъ и Оружићъ Мея).

Али я никомъ не советуємъ, да му буде стало дознати личность; єръ ако є башъ има, опетъ ће мо се мы (како я мыслимъ) безъ секунданта изравнати, него нека се свакій труди да ме разуме, зашто самъ што онако реко, и онако говоріо, као што єсамъ, па се надамъ, да ће и ползе, и шальиве забаве наћи. И ако се башъ одма съ почетка и небудемъ показао женіяланъ, треба се претрпити, єръ сви се осамъ гласова, — па іошть и оны подобны,

— найпре ниско почнню, а после чакъ и звонару препуне, — те вальда є зато и изишла она пословица, да є попадія осмый гласъ чакъ на тавану у кучинама нашла. — —

Въ прочемъ, съ глубочайшомъ смиреностію дерзаюся именовати.

Списатель.

Господине!

Вы сте мене кодъ куће г. Книћанина яко, а неправо, увредили и осрамотили, и я према томе немогу никако равнодушанъ остати, и зато оћу сврхъ те учинѣне ми увреде, пуну торбу да наговоримъ. — Колико ми є жао и неправо, што сте ме, увредили и осрамотили, толико ми є двапута миліе; што сте ми тыме таку матерію дали, одъ коє читаву кньигу написати могу. Заиста важанъ предметъ, и достоянъ є, да се о нѣму изъ ближе и позадуже поразговарамо, и то: „єюже мѣрою мѣрите, возмѣрит'ся вамъ.“

Я Васъ гос. одъ скора лично познаємъ, али изъ близа никако, но одавно, а одъ выше люди слушао самь, да лепе и праве мысли о свачему имате, и зато я самь Васъ свагда уважавао и почитовао, али Ваша учинѣна ми увреда: „съ неба па у ребра“ дала ми є повода, о Вама сасвимъ другчіе и мыслити и судити; еръ човекъ, кои лепе и праве

мысли има, неможе коєшта говорити, као Вы самномъ. — Вы казасте да самь я у моіой кньиги *). „Бой Срба съ Мацарима,“ на Панчевачкой битки **) певао г. Трипковића како мота мацаре, а за г. Книћанина рекосте, да самь казао, да ій є и онъ, ако не за стопце, оно баръ назорце терао, и да самь я овако реко, телисте се самномъ о сто дуката обкладити; но пошто самь я одговоріо да немамъ ниєдног а, а толи толику силу дуката, Вы сте и на то пристали, да ми у соби СТО БАТИНА за сто дуката ударите, — и терали сте ме да донесемъ кньигу, и да се уверимъ, да є онако како сте Вы рекли, єръ велите да знате шта сте читали. — Опростите ми г., Вы башъ нимало незнате шта сте читали, єръ тога ништа на панчевачкой битки о г. Книћанину нема. Овде сте се уветаръ налютили, и рекли сте, да би Вы мени, да сте на г. Книћанина месту, или да сте Вы Онъ, на средъ сокака због ове моє кньиге, оцепили СТО БАТИНА! Лел е мене г. шта є ту батина! — ТОЛИКО НИ РОЖА-ШАНДОРЪ,

---

*) Я нећу оно правило, да женска имена у дателномъ падежу єдинственогъ броя, меняю г на з; а Вы о томъ тако исто имате понятія као о алгебри, — и у томе смо доста родъ — ! — ?

**) Нећу ни к на ц; а то є Вама тако исто познато као и калифорнія.

МАЦАРСКІЙ БИЧКАШЪ ИЗДРЖАТИ НЕБИ МОГО. — Овымъ изражаима Вы сте учинили то, да г. Книћанинъ има узрока на мене мрзити, а то є срамота и непристойно; али небы требало на мене, него на Васъ да мрзи, єръ Вы сте и нѣга као и мене, и увредили и осрамотили, похлѣбствующи му очи; а да найправіе речемъ, Вы сте самогъ себе осрамотили, и показали сте, да неносите доброгъ и тако важногъ лица поштенъ, но подалъ карактеръ. — Заиста г. ово є одвећъ претерана пресуда одъ єднога великога судца, а нечувено непристойна награда, єдноме већъ названомъ списатељу и поєти одъ тако важногъ лица; єръ Вы ћете умрети, па ако Вамъ се деси єдно мало, или велико „СВЯТЫЙ БОЖЕ“ то ће Вамъ быти све, — а моє ће се име и после мене препечатавати дотле, докле траяло буде србски гусала и гутенбергове типографіє, — ако се съ такикъ ревнительима као Вы, опетъ у Ероглифе невратимо; — и тако я ћу быти и остати исторично лице, а Вама ту ти є и олуй. — Али гди се испытъ одъ граматике предъ Алицомъ, и одъ логике предъ Вама полагати мора, ту се никако болѣмъ надати нетреба; а то є и обична судба сви списателя и онаковн люди, кои о своимъ лебу туђа говеда чувао. — Омиръ, великій поєта грчкій, коме име одъ три иляде година умрло ніє, поредъ нѣгове честите Одисеє и Иліяде, просіо є

те се раніо, (па іошть незнамъ да ли су му делили). — Сократъ, кои є своме роду мудрость съ неба скиную, и показао како треба о Богу и човеку мысли, одъ истогъ своге рода добіо є награду, ЄДНУ ВЕЛИКУ ЧАШУ ПУНУ АРСЕНИКЕ, кою є попити морао, ако му се и ніе пило. — (Ништа зато, єръ то є залаћено тыме, што є за вћгову праведну душу, на жертву боговима СТО ВОЛОВА заклато, и зато ніе никаково чудо, што и люди мита узимаю). — Волтеръ є провео выше година у затвору, и кадъ га є Краль помиловао и ослободіо, Волтеръ га є моліо, да му се выше о квартиру небрине. — (Ни я оваку мялость нисамь радъ имати). — Русо є надничіо те се раніо, и одъ туће милостинѣ живіо. (Нћму є єдна поштена госпоя была благодћтелка, а мени ни люди нећ е). —Нашемъ найславніемъ списателю и филозофу старцу Доситею, прети Серафимъ, — да ће му због нћговогъ честитогъ и праведногъ писаня угреяти уши, а кньиге су му — та оне исте кньиге, кое су у роду србскомъ у найвећемъ почитанію, — како самь слушао, на ватри спалћне быле, као Александрійска Бібліотека. — (Вальда зато што нису по Алкорану). — — Соларићу кажу да се ни гроба незна као праведномъ Еноху. — (Ємачно су садъ обоица заєдно съ Ресуломъ у Елисейскимъ польима, као безсмртни). А зашъ Давидовићъ, кои Вамъ є познатъ, и комъ є Србія, за

нѣгове учинѣне іой услуге, вечито благодарити дужна, умро є у сиротиньи. (а како ћу я?) Еле ніе право, да и я безъ исета (дела) останемъ, и о томе сте се Вы найпре, и найревносніе побринули. — Можда ћете ми рећи: НУТО НЂГОВЕ ПАМЕТИ, СЪ КАКОВИМЪ СЕ ЛЮДИМА ОНЪ БАРАБАРИ! Я то нечинимъ, а што є смысао тако донео, я томе нисамь кривъ, него на ово Вамъ само толико одговарамъ, дания нисамъ одъ паня отесанъ. — За сваку мою песму, дао бы ми енглескій и францускій великашъ Вашега чина, баръ найманѣ по петъ дуката, а Вы ми даєте СТО БАТИНА! — Срећа моя, што се ово ніе десило пре двадесетъ година и предъ шареним Конаком, те бы онда найживлю поезію и песме показао, єръ я добро знамъ, да бы вы мене радіе гледали укиплѣна на бинекташу, — као Ротека на своме паметнику, — и радіе бы одъ мене слушали овакову певанію, него нашегъ гласовитогъ покойногъ Чубру, кадъ вели:

„Кликни вило неумукла гломъ,
Те потреси све по небу звіезде,
И ћинћухе — изъ кумове сламе.“

И поредъ овога нѣговогъ послѣдователя Исидора Стояновића, кадъ слави и узвишуе Лукіяна Мушицкогъ овако:

„Єръ пролеће што є у години,
И у нѣму певанѣ славуя,

Штол' драгъ каменъ на прстену златиомъ,
Кринъ у полю, ружа у градини,
То є Лука у своmъ роду био.“

Али сада є мой г. млого сто батина, млого, — одвадите Вы све башъ до едне, и я Вамъ слободно кажемъ, да Вамъ ни чести служило ніе, и да ни право нисте имали, съ оволико батина у туђой кући на мегданъ изилазитн. — Да су сада некадашня шпанска времена, я бы се био съ вама одма на мегдану наплатіо, али тога нема, єръ:

Што є было то є прошло,
Све узело другій видъ,
Садъ є тако време дошло,
Да пређашнѣгъ буде стидъ. —

Деветнайстый векъ царує,
Баца коплѣ у трнѣ, —
А слободу свудъ негує,
И прогони незнанѣ.

Сада перо саблѣ ломи,
Съ батинама медведе, —
Своєвольце свуда срами,
Не батине за люде.

И место тога ево благословеногъ перета, съ коимъ се уздамъ побѣду одржати, ма га чакъ до балчака изкрзао. — Мой г. великосудче! башъ да самь я онако рекао, како сте

Вы разумели, опетъ бы одъ Васъ, — кои се одъ света рачунате, — или што бы по Вашемъ важномъ карактеру тако требало да буде, — требала да є изишла млого мекша и благороднія пресуда, а не смртна, єръ СТО Є БАТИНА смртна казнь. — И да Ваше мнѣніє, гди се рѣшава о лишенію чина, о изгубленю иманя, о усѣкованію, т. є. о погубленю, о шиби, вечитой робіи и т. д. при равно поделѣнымъ мнѣнияма, несочинява ДВА, и да онамо неиде надвѣсіє на коіой сте Вы страни, — я бы Вамъ одбіо на дару, — али овако никако немогу; и како я видимъ, Вы сте и ову строгу пресуду морали мерити и изрећи, по строгости нашегъ казнителногъ закона о злочинцыма, али сте яко забасили, єръ я у тай каталогъ никако неспадамъ; него опетъ право имате, єръ Вашъ є посо єднако: педесетъ и сто батина, мртва шиба и точакъ, и ово Вамъ се завртило у мозакъ, као дугогодишнѣмъ солдату егзерцыръ, те после целогъ своегъ живота, и у сну и на яви, єднако виче: „лево десно.“ — Оног. што сте рекли да є было на Панчевачкой битки, ніє было никако, но неке одъ тій речи, — али у другомъ смыслу, наће се на Вршачкой битки; и я вамъ се нечудимъ што ниете могли упамтити гди є было, єръ знамъ да ниете слепацъ, коме су нужне песме на изустъ знати, — него се чудимъ, како мой смысао, кои є простъ и ясанъ, и кои непотребуе

Симоновића за толкованѣ као нашъ законикъ, разумети нисте могли, — и зато ево исте речи овде ставлямъ, кое између прочегъ при свршетку овако гласе:

„Іоште браћо да вамъ пѣвацъ каже,
Да є и онъ терао Мацаре,
Баръ назорце, ако не застопце.“

Ово є мой г. тако ясно и тако разумително, као двапута два што чини четири, и види се, да самь я ове последнѣ речи о мени реко, єръ я у моіой киьиги пѣвца представлямъ, и я самь тыме ишао на то, да песму веселію начинимъ, зашто, „МАЛО АТАРА ОНОЙ КНЬИГИ НАДЪ КОІОМЪ СЕ ДРЕМА,“ вели нашъ неумрлій старацъ Доситей. Я се и сада опоминѣмъ, како є мене пытала наша комшика баба Чава, іотшъ као дете и ћака: А бога ти Гиго (Глишо) кои вамъ є оно врагъ, што у цркви єднако вичете: „блѣмблѣ (тебѣ) господи“ и: „яко пиросмѣго“ (мнлостъ єго) ? А пре неколико дана упытамъ єдногъ капетанъ-Мишиногъ матроза, шта му є руки те ю є замотао, и онъ ми поче казивати, али све съ тако смешнымъ и мени непознатимъ речма, да самъ мысліо, да тай човекъ ніе при себи, овако: „Я ПОЧНЕМЪ УМОТАВАТИ БРУЛІЮ, А БАБА-ФИНГА ПОТЕЖЕ ОДОЗГО, ТЕ МЕНЕ ПУФЪ ПО РУЦИ.“ Баба-финга и бруля, кои є то хандракъ? запитамъ га, и онъ ми одговори, да су то не-

ки алати на галіи. Да є г. и у момъ сочиненю было неколико „БЛЂМБЛЯ И ПИРОСНЯ, БРУЛЯ, БАБА-ФИНГИ, ФАРА И КУРТАЛА“ и да сте Вы прости као наша баба Чава, и капетанъ Машинъ матрозъ, я Вамъ се неби чудіо, што ме разумети нисте могли, али тамо тога нема. И я текъ садъ верує мъ, како є морало быти тешко г: Ђоки Новаковићу, доктору Баньскомъ, због овоме подобногъ случая. Разболисе єданпута єданъ членъ суда, кои є до крайности прость быо. Быо є човекъ пунъ, и добіо запаленіе. Због тога се позове г. Ђока, но међутымъ све су се бабе Доде стекле быле. Г. Ђока советуе, да му се пусте піявице, а бабе дебадирају, да му се свешта масло, — и тако г. Ђока, у средъ овогъ конзиліума изгуби гласъ, и бабе добію надвћсіе. Онда онъ само сагне съ раменима, и изиђе напоље, и у полазку рекне овако: „ДА ЗНАДУ ФРАНЦУЗИ, ДА СУ БОЉЕ МОЛИТВЕ НЕГО ПІЯВИЦЕ, ОНИ БЫ СВЕ ТИМОЧКЕ ПОПОВЕ ПОКУПИЛИИ ОДНЕЛИ, А НЕБЫ ПЛАЋАЛИ 40 ТАЛИРА ОКУ ПІЯВИЦА.“ Што Вы съ г. Трнковићемъ имате може быти какве личне омразе и зависти, о томе нећу ништа да знамъ, а ни чудо ми ніе на наша посла, връ самь у єдной кньиги читао, да є Роми Даба умро (лака му црна земля) и да є све нћгово иманћ, као, злоба, лукавство, сребролюбіе, блудъ, краћа завистъ

и т. д, на добошу продато (морала є добра лицитація быти), и да є завист нашъ Србенда уграбіо те купіо. (Чудо! како ко другій то неуграби?) Истина, онде нестои хронологично описаніе ђаволске смрти и лицитаціе, но по томе, што є Србинъ завист купіо, судимъ да є то іошъ за Душановогъ времена было, — и рекао бы, да є тай адиђаръ Вукашинъ купити морао; — али се чудимъ, како не дође у наслѣдіе нѣговомъ сыну Кралѣвиђу Марку, — него Вуку Бранковиђу, а одъ ови Карађорђевимъ Войводама. — А гдили ће быти садъ? — Додуше и свештена Исторія сведочи, да є овой подобне продае, іошъ у Раю у Адамово време было, али то є по моіой филозофіи сасвимъ друго дѣло. — То є быо посо правогъ Сатанаила, кои се съ Богомъ о првенству боріо, па кадъ ніе мого да успѣ, онда му є само посо кваріо.

„Невера ти до колѣна седи,
Съ десне стране кои ти беседи.“

Вели песма кнеза Лазарова; а почивши є Роми Даба, вальда сатановъ прапраунукъ быо, и то башъ да є тако млого, као Метусалъ живіо, коє є наравно у позніе векове быти морало, и тако є дакле ємачно овако како я мыслимъ. — Велика штета што се є преставіо, єръ да є онъ живъ, іошъ неби ни наши ни Европски метежи утишани были, кои млогима у

рачунъ и трговину спадаю. — Али што га због други жалимъ, кадъ бы мени найнуждніи было, єръ самъ се одъ скоро назвао злеудый адвокатъ, па безъ Дабе никудъ никамо, — будући є потреба, да люде на лажъ, крађу, превару, луквство, убитсво и т. д. подговара, и да судіяма МИТА ушаке уклопи, или ій на АТАРЪ приволи, па онда ето мени и посла и леба безъ мотике доста и одвише, — дакле куку мени понайвише за ньимъ! — Него я ћу се опетъ помоћи, отићу кодъ бабе-Велике у Грлиште, кодъ оне славне и чувене врачарице и гатаре, — однећу іой ЄДНОГЪ ЦРНОГЪ ПЕТЛА БЕЗЪ БИЛЋГЕ, — ЄДНУ ПОВЕЛИКУ БЕЗЪ КВАСЦА ПОГАЧУ, — ИЗЪ ТРИ БУНАРА НЕНАЧЕТЕ ВОДЕ, — СЪ ТРИ РАЗКРШЊА ЗЕМЛЋ, — ТРИ СТАРА НЕПРОБУШЕНА НОВЧИЋА (ДУКАТИ СУ НАЙБОЛЬИ), — И ИЗВАДИЋУ ИЗЪ МОЄ КОШУЛЋ ИЗЪ ДЕСНОГЪ РУКАВА ЄДНУ ЖИЦУ ОДЪ ПОТКЕ, КАО БИЛЋГУ ОДЪ МЕНЕ и то кадъ ніє млада неделя, и докъ месецъ ніє назадъ ударіо, — па ће она мене съ оныма упознати, што у СРЕДИЗЕМНОМЪ МОРУ ЖИВЕ, — што море КУКАМА ЗАУСТАВЉЮ, — ГАЛІЄ ТОПЕ И ВОДЕНИЦЕ КРЯЮ коє су ємачно Ромогъ Дабе калфе; — али се іошъ за неко време претрпити морамъ, єръ самъ юче одъ нћ добіо штафетално извћстіе, да є све поболћ майсторе покупила француска аристо-

крація, да прави созаклетіе, противу президента Луй-Наполеона а остали да су отишли у Ханту съ Кошутомъ, као нѣгови ађутанти. — Но заостало како было да было, али є **завистъ** тако постояна и дуговечна стварь, те и данъ данашньи непорушима стои, као да є са Олимпа дошла, и да є Юпитерова кћи, — а малъ те неће тако и быти; — и заиста вредно бы было оріґіналъ наћи, и **НАШЕМЪ ЧИТАЛИШТУ ПОКЛОНИТИ.** — Зашто башъ Читалишту, то и Вама и свакомъ оставлямъ нека погађа, али нека нипошто на зло необрће, — али овде є чворъ! єръ нашъ є Србенда у овомъ послу такій Живописацъ, да свакій съ оргинала може верніе скинути копію, него Апелесъ и Рафаило, да се распознати неможе, и сада неможемо знати, у кога є оргіналъ; — и я бы тешко веровао, да бы **Немезису**, ма кои други могао болѣ него Вы изобразити. — Да насъ Богъ сачува да намъ Минерва неумре! — єръ бы нѣнъ адиђаръ, одма енглези и Французи на ягму покуповали, — и мы бы довеђа безъ парне лађе и парни кола остали, а и та несрећа лако се догодити може, єръ ніедногъ изъ Србіе Доктора немамо, — кои бы сиротицу у болести свесрдо лечіо: — него и нашто ће намъ оваке справе? — єръ може пући машина — па насъ пре времена на небо бацити, — ако **случайно неошія на другу страну**, — а овако седимо на наша воловска кола, па: „ **хайдъ во-**

ко! и раатъ, и я се веома чудимъ, што ће намъ у Топчидеру она парна сувача да мелѣ брашно, кодъ толики наши благословены воденица што'но є Богъ реко; и я знамъ да ће залудна стояти, зашто нашъ народъ неће да му нечастивый мелѣ, — а туће окретати коло анатемнякъ часный га потр'о, па и право има. — Боже мой, лепо ли ти є было слушати мога прамдеда Тоту, и чича Пеньи-врага, како они причаю, да є нове обичне воденице и суваче ђаво направіо, али зато, што само єдно, чегртало ніє знао начинити, да є морао молити Давора, — и овай за сандукъ приковавши чегртало, свой благословъ пусти на ньи, и сада су оне благословене, — а ова є сувача, буди Богъ съ нама! — Ей Донъ Кишоте! куда си ты садъ, да насъ одъ оваки страшила ослободишъ? Ты си доста и доста подражавао славномъ Херкулесу, — и ты си єдиный быо на овомъ свету, што си се због свога рода боріо са ветренячама! — Ты си се єдиный одважіо, и овомъ Гиганту, — кои є своимъ величественымъ окретанѣмъ на толико сати люде плашіо, — те су кудъ кои бежали, као Американцы одъ Колумбове лађе, и Турцы одъ Христіянски звона (вальда башъ сада зато американцы и доста лађа и понайвыше парны кола имаю, и Турцы у светой Софіи кланяю) — на твомъ виловномъ Пегазу, твою убоиту стрелу, юначки у нѣгово платнено крило заденуо: а што є онъ тебе лупіо, и заедно съ Пегазомъ са земльомъ сравніо — то ніє пы-

БИБЛИОТЕКА

танѣ, єръ твою патріотичну ревность никако надятчати ніємого. — Ову алигорію г. треба или Ромога Дабе сѣнъ, или Оракулумъ да Вамъ истолкує, єръ Вы ћете казати, да є свеово рабошъ. — Видители г. како таманъ нађосмо изувачъ за вашечизме, башъ као да смо строги єстествоиспытатели. — Іошъ намъ овде остає испытати, чіимъ є новцыма србинъ Ромогъ Дабе завистъ платіо, па ако буде съ грчкимъ или римскимъ, и коєкако, али ако буде са србскимъ, онда намъ є лако погодити, зашто є пало наше царство на Косову, єръ онда ускоро и постали су србски новцы, и онако млади, одма су за завистъ дати; и садъ бадава князъ Лазаръ преко нашегъ выспреногъ а младогъ пѣвца Любомира говори овако:

„Садъ су нашли єли? сада да се боду,
Када са сви страна прети пропасть роду,
Садъ су нашли єли? садъ да ваде очи,
Кадъ се Мацаръ снажи, и кадъ Турчинъ скочи.“

и далѣ:

„О неверство пусто! нигди те небило,
Твоє лице свагда за слогомъ се крило.
Ти се показуєшъ, к'а добро найболѣ,
Ал, найвећма волишъ, да братъ брата колѣ.

— — — — — — — — — — — —

Но како намъ є овде тамно исторично понятіе, тако ћемо овай испытъ и предметъ, отложити за ду-

же и удобніе време, а и ово є доста: и да СТО БАТИНА ніе смртна казнь, заиста ово неколико речи, вы бы ми и са сто недеседъ платили, еръ вреде, (али я разумемъ толико жути дуката). Да неби Вы г. у тако кривомъ понятію остали, и мыслили, да самь я о Г. Книћанину текъ штогодъ и узгредно говоріо, ево ћу да васъ обавестимъ, и да вамъ докажемъ, да самъ я дѣла Г. Книћанина достойно прославіо тако, да ће остати славна и честита, докъ є сунца и месеца, а у исто време я самъ и целомъ роду Србскомъ доста славе, па заръ нешто и ползе съ моіомъ кьигомъ принео, и то ако не вы и вама подобны, опетъ млоги и млоги признаю, и временомъ ће све болѣ признавати и ценити оно, што самь я написо, па зато причувайте и ово писмо, кое ако ништа друго неучини, ємачно ће учинити то, те ће се наша деца лепше разумети него ми. Да є могло и болѣ и савршеніе быти, я признаємъ, али:„ ВЕСЕЛО СРЦЕ МОЙ Г. КУДЕЛЮ ПРЕДЕ.“ — И кадъ поштенъ и разуманъ човекъ сравны ово писмо са предговоромъ и поговоромъ у опоменутой моіой кньиги, онда се ситъ наплакати, и са сакрушенимъ срцемъ сажалѣвати мора — и Србске списателѣ, и ядно ньіово кньижество, кадъ се неподпомаже отечествољубіемъ просветомъ и новцемъ, већъ БАТИНАМА. — И кадъ іошъ къ томе кажемъ, да су неки у овой кньиги попоминяти юнаци носили є, те су є своима и

свуда іошть у рукопису читали, — а неки су мечакъ по Ужици и други мести терали, те самъ є читао докъ нисамъ запенушіо и премуко, да свак' зна какви су юнацы: — (Ха море берберъ, я самь изъ Призренъ, а у Призренъ є Арнаутъ тако юнакъ, да се све суво брія; а кадъ є берберъ почео вући суво узъ длаку, а мой ти Арнаутъ окрене листъ, да онъ ніе башъ изъ Призренъ, него мало пониже) а кадъ самъ имъ о исплати кньигопечатнѣ поменуо, а сваій има, — петъ шестъ стотина, и хиляду талира годишнѣ плате, — гди и г. Трипковића рачунамъ, онда су се тако поплашили, да ій є све скупа єдна баба съ преслицомъ излупати могла,! о незнамъ г. можели се човекъ одржати да веру непромени? — Да Богъ да г.! те се те Ваше **БАТИНЕ** неспоменуле выше у деветнаестомъ столѣтію, ни кодъ **Татара, ни друза, ни Мамелюка** у Азіи и Африки, а толи упросвештеной Европи кодъ Србаля, кои свой и лицеумъ и музеумъ заведенъ имаю; — єръ просвештены народи и стоку одъ батина штеде, — па отомъ и пишу, — а Вы такове **СТОТИНАМА** списатемьима торжествено на даръ подносите, — срамъ васъ было! Вы и Вама подобни (овде коме буде чела за клобукомъ нека се сећа, а остали треба внимателно, но спокойно, — ролу да саслушаю) негледате како бы подпомогли онакове люде, кои су сиромаси, а кадри су што людски и паметно написати, него се надмећете, кои ће лепше **КАРУЦЕ И СОНИЦЕ ИМАТИ, И ВЬШЕ ПРАПОРАЦА НА КОНѢ НАТРПАТИ.** — Бла-

жена душо Доситеова, како си насъ са хилядама ТУНЕ КАРАГРОША, СЪ ТОРОНЬИМА И ПРАПОРЦЬИМА, лепо карактеризирала. Садъ є већъ време г. да видимо што о г. Книћанину найпре на Белой Цркви, па онда и на остали мести.

„Кадъ се Стево беше увериo,
Колико є друга изгубіо,
Онъ продужа изъ грла бієла,
Па тужећи Бобалића куне,
И бієлу варошицу цркву.
Бієла цркво небієлила се,
Бобалићу невеселіо се,
што м' и з д а д е издало те лѣто,
Те изгуби сто педесетъ друга“ и т. д.

Овде самъ я Г. описао чуствително срце г. Книћанина према изгинувшимъ войницыма, како треба да є старешини было, и како самъ самъ осећао, и зато вальда ние требало у награду БАТИНЕ да ми се подносе. —

На Томашевцу овако г. Книћанинъ враћа Кишу банку, коју є у цркви на икони оставіо.

„Море Кишу татарско копиле,
Шта ти тражишъ у славенской цркви?
Кадъ ни твою честноват' неумешъ.
Што ће нама Кошутове банке?
Да са њима помажемо цркве,

Кадъ имамо и сребра и злата,
Него ево я ти враћамъ банку,
Те ти купи дупловану штраньку
Кадъ с' обесишъ да се неодкине.“ и т. д.

Съ овимъ речма я самъ изражавао поносъ Србства, и нисамъ се могао надати, да ће ми се съ БАТИНАМА благодарити. Далѣ у истой песми овако стои.

„Мислишъ курво свн су ко дракулићъ,
Да ій новцемъ подмукло преваришъ,
Лако ти є на Перлезу было,
Ђе Дракулићъ учини издайство,
Него чуешъ мацарскій кепецу,
Ходи самномъ да мегданъ делимо!
Башъ на месту староме боишту,
Ђе су мои борили се стари,
Са Татари твои праоцеви.
Овде оћу да покаемъ старе,
Одъ краине капетана Кочу,
И гробъ славногъ Радивоевића “ и т. д. *)

---

*) Моя баба Текла, мени є и моіой браћи више пута причала, дае она онда была девойка на удаю, кадъ су шицари одъ Турака на Томашевцу изгинули. Казиваше, да су онда близу быле и мацарске катане (хусари) па да имъ ніе старешина дао да иду шицаре спасти, а они да су преко заповести у ватру дотрчали, и одъ Турака чудеса починили. Веляше, да су съ де-

Съ овымъ самь речма г. я показао юначкій духъ г. Книћанина, кое му се одрећи неможе, и далѣ спомињао самь наше саданѣ са прошлосћу, и овдашнѣ, са оностранымъ Србима, и зато вальда нисамь одъ рода БАТИНЕ заслужіо.

Ево како г. Книћанинъ Кишу на Панчеву прети.

„Ао Кишу, татарско колѣно!
Мало л' ти є яда и покора,
Што почини по царевой войски,
Већъ іошъ палишъ сиротиню тужну?

сне руке поскидали ћурдіе, и кадъ су међу Турке ушли, да су ови викали: „беж'те, ето люди одъ три руке!“ Моя децо, продужила бы далѣ, Турцы нису као наша войска, да люде несеку кадъ рекну „ПАРДОНЪ,“ него старе, и люде и жене све изсеку, малу децу све набоду на ятаганъ па носе, а девойке мету на коня и однесу у светъ у робство, и после буду туркинѣ; и мы смо сви бежали у ритъ, па давьомъ ваздань седимо у води, и само намъ є глава наполю, а на главу метомо листъ одъ локваня, па се мысли да є све локваньь, и увече изиђемо мало наполѣ. — Ово вамъ господине, неће быти излишно знати ако низашто друго, а оно зато, да знате, да є до мацарскогъ рата было врло лако у войводству, не само децу, него и маторе люде поплашити, кадъ имъ се рекне: „ето Турчинъ,“ а садъ се тога небоє, и ово намъ є одъ велике ползе. —

Данасъ ћу се съ тобомъ огледати,
Макаръ знао да ћу погинути,“ и т. д.

Ово г. нимало ніе наликъ на оно, како сте Вы разумели.

Слушайте г. како на Вршцу у средъ рике топова виче на старешине.

„Косанићу и Лазићу врли!
Та ђе су вамъ ваши граничари?
Шта чекате? одъ Бога ненашли!
На баіонетъ садъ другчіе ніе“ и т. д.

Овде є было — што'но се каже „повуцы потегни“ — и г. Книћанинъ є башъ овако говоріо, само съ томъ разликомъ, што му ніе было на тенани, да у стиховима говори. —

Ево вамъ изъ ове песме іошъ неколико редова.

„Боже благій страшна позоришта,
Кадъ се двіе ударише войске,
Кадъ ста рика огромни топова,
Кадъ ста праска пушки цылиндерки,
Сва се земля изъ темеля люля;
Подиже се тама до облака,
Савъ се Вршацъ у димъ претворіо, —
Туку Срби а туку Мацари,
Іошъ се незна чія є побѣда.“ и т. д.

Я мыслимъ г. ако се неварамъ, да съ овымъ изражаима, кои представляю дѣйствителность боя, нисамь заслужіо БАТИНЕ, него што благородніе.

Садъ чуйте на Мошорину,
„Докъ Мацари не дођеду близу,
Да свакъ свога погодити може,
К'о кадъ срну у горици гађа,
Непуцайте ни праха трошите“ и т. д.

И ово є мой г. млого више, и млого другчіе о г. Кинћанину речено, него како сте вы мыслили.

Чуйте изъ ове песме іошъ неколико стихова.

„Громъ топова небеса пробія,
И сву землю изъ темеля люля,
А ђулета савъ воздухъ подрла. —
Димъ є землю све Бачке покріо,
Да другъ друга виђети неможе.
Мацаръ вичe „Илићъ Кошутъ Бачи!“
Србинъ вичe: „За вѣру ришћанску,
И за брата рођеногъ Србина!“
Бой траяше одъ ютра до мрака,
И већъ крвца потокомъ течаше,
Колико є полѣ Мошоринско,
Све съ мртвима покривено бешe.
Ранѣницы тужне гласе дижу,
И до себе керанѣне вичу,
Да ій склоне ил' да ій побію,
Да с' немуче подъ ранама тешкимъ“ и т. д.

Господине! Господине! и ове речи невуку за собомъ БАТИНЕ већъ похвалу; єръ я самъ гледао да орігіналъ боя съ найужасніе и съ найживлѣ стране

представимъ, и опетъ да докажемъ, да су Срби юначкога духа люди, и да су оваково страшило юначки и слободно дочекали, и силу силомъ одбили, дакле гледао самь, да момъ роду нѣгово юначко срце и юначкій духъ, найживлѣ явно предъ очи ставимъ, као што и єсте таки, — МАКАРЪ БАТИНАМА; — но буди далеко одъ моєга рода ово, єръ то є само Ваше, а съ Вама и у Вама, я и нежелимъ имати брата и пріятеля до онда, докъ Васъ Богъ на добро и болѣ неупути.

Ево Вамъ Г. текъ понешто наведено, како я представлямъ да є г. Книћанинъ дѣлао, и потоме свака се є битка рѣшавала на нѣгову славу, и я мыслимъ, да є веће славе достойно представити єднога управителя войске и као присуственога юнака, и као доброгъ распоредача и управителя войске, него као єдногъ необозреногъ и піяногъ юначину. И заръ бы лепо было и мени и г. Книћанину, да самь га представіо, да є потрескао петъ ока ракіє и десетъ ока віна, као нашъ Кралѣвићъ Марко, Ришнянинъ Иванъ, Облачићъ Рада, и турски Бекри-Муя и Четеція Тале, па онда да є Киша испрескакао па га погубіо, као што бы заръ Вы тели. Фала Вамъ на такой логики. Она є за слепце и за цигане, а не за мене, єръ я никако нисамъ радъ, да ми Аполо начини, збогъ неслѣдственогъ и нелогичногъ певаня: лепе повелике магарећіє уши, као што є начиніо Мидіясу, кралю

Лидискомъ, што ніе разумео музику, него є казао, да Панъ лепше у гайде свира, него Аполо по нотама у фортопіяно, віолину и цытру. — Тако свакомъ ономъ треба, кои се меша у оно што неразуме. — Да я нисамь мого самога г. Книћанина певати безъ нћгови помоћника, сваки ће ми памећтанъ одобрити, па зато є и г. Трипковићъ морао по неко место заузети, и я Вамъ немогу шта, што є Вама ово неправо, еръ я нисамь никако тео онако безобразно певатати као нашъ бывшій васкресъ Устава, о Еврему, — и погано говорити као почившій улакъ, — земля му кости изметала, — о князу Милошу, него самь гледао да дамъ свакомъ своє, и да браћу и родъ прославимъ, а не да ій скаредно и до Бога неправо грдимъ. И я знамъ да є и Вама, као и млогима одвећъ онако и онолико мало, што самь о момъ покойномъ стрицу Лали Зубану на Сиришкой битки овако реко:

„Кадъ у ютру ютро освануло,
Смиромъ неће Зубанови Лаза,
Него оће Сегединъ да узме,
Ту є Лаза люто погрешіо,
Съ мало войске онде ударати,
Ће бораве сто хиляда люди.
Ту изгуби неколике войске,
Понайвише люти Ужичана“ и т. д.

Него бы желили, да самь и нѣга и іошъ неке повешао, ако нису имали гдѣ, у онако малу књигу стати; — а за санъ Нѣгове Святости Патріярха, млоги бы ме тестерисали као Исаію Пророка. — Али такова су посла само за опомснуте люде, а не за мене; но да знате какове су страшне песме биле онде, гди смо и я и г. Трипковићъ были, Вы бы ћутали; еръ пре веруємъ, да бы и Вы, као и неки Ваши другари и юнацы на панчевачкой битки, при првомъ плотуну топова, не само Дубравицу као они погодили, него можда се чакъ ни до Новогъ Пазара уставили небы, — а небы стиснули срце, да на бойноме полю чуєте до петъ шестъ хилада сами топовски метака, кои руше хане и дућане, и нерачунаюћи куршуме, кои као рой око ушію лете и зврцаю; дакле єзикъ зазубе. — А кадъ бы све г. Книћанинъ чиніо, онда бы изишла она влашка сатира, како они оћеду, да имъ Домну Мургулъ буде: и Войвода и Митрополитъ, и Владика и Попечитель, и Совѣтникъ и Секретаръ, и Капетанъ па и Кметъ, и найпосле и селскій Бировъ; — а кадъ є дошло до густогъ, онда опетъ Домну Мургулъ треба и да се обеси. — Нећемо никако г. одъ Васъ логику учити; и кадъ Вы ниете кадри о књижевнымъ дѣлима мыслити и судити, или правіе рећи, кадъ Вы немате праве мысли, онда є залуду што

познаєте Бесарабію и Одесу, кадъ нисте ніе данпута кодъ ньи на ручку были, као некій Вашъ рођакъ — што є было кодъ нђеговогъ найболђгъ пріятели Острова Родоса: дакле овде се лако мыслити и веровати дає, да є съ ньима морао быти и мореузъ Гибралтаръ и острово Малта — само незнамъ дали су се могле наћи за ньи сходне столице и асталъ, ванъ ако є асталъ было Семирамидине высеће башче, а столице: Колосъ, Веспасияновъ Амфитеатеръ, и Вавилонъ, — и онда немойте оне вређати кои одъ Васъ уму лепше и паметніе и мыслити и судити, и кое бы требало да уважавате и почитуєте; єръ ніе слђдство да Вы нешто млого значите само зато што сте на томъ месту гди єсте, а я дасамъ ништа зато, што самь сирома, и што нисамъ ЗЛАТОГАЛОНИРАТЪ КАО ВЫ. — Ту су криви наши мали ђацы, што плюю у цевъ одъ трске и дуваю, те изъ нђ испадаю меурови, кои како наполђ испадну, одма и пукну, — а Богме г. доста су и све наше ашчіе криве. — Дакле г. я се садъ пуно надамъ, да ћу Васъ быти доста обавестіо, како нисте имали право вређати ме, а и то мыслимъ, да нећете быти увређени, што самъ Вамъ мою невиностъ, а Ваше криво понятіе ясно доказао; што више, я се тврдо уздамъ, да ћете Вы овай мой овако великій трудъ, баръ са двадесетъ дуката платити, єръ по Вашой обклади, стотину бы изгубыли были, кое баръ са

двадеседъ треба да замените; па и толико кадъ дате, нећете ништа штетовати, єръ овде имате: и м о р а л а, и сатире, и п о є з і є, и и с т о р і є, и Ф и л о з о Ф і є, и л о г и к е, и х у м о р и с т и к е, и п р а к т и к е, па и г р а м а т и к е, и тако у тврдой надежди очекуємъ одъ Васъ за овай мой трудъ, баръ пайманѣ 20 дуката, и то и с л о в о м ъ в е л и м ъ, баръ пайманѣ двадесетъ дуката, зашто чесность Вамъ нѣе дати рѣи, да Вамъ небы было узео сто дуката, да самь се тео у онако безобразну обкладу упуштати, а двадесетъ кодъ мене стотину заменити могу, єръ я дукате на стотине и нисамь брояти научио; а башъ мы садъ толико треба, да исплатимъ остатакъ кньигопечатньи за ову мою кньигу, око кое се оволика беседа повела, па онда цаба вамъ выше писаня; єръ Вы мы даєте СТО БАТИНА што самь певао г. Трипковића, а нѣму є оноликo одвећъ мало, него бы желіо, да самь га са Самсономъ сравніо, — да може не само Киша мотати и Мацаре сећи, него да може и куће и градове своіомъ снагомъ рушити, као и Самсонъ. — Млоги мрзе на кньигу што нисамь певао Петра него Павла, а млогима є опетъ неправо, што самь г. Книћанину дао ону славу, коју є онъ достойно заслужіо; него ніе никакво чудо, єръ то Вамъ є Ромогъ Дабе посла! а у Земуну и Темишвару, провео самь месецъ дана у затвору съ убицама и коньокрадицама, све због ове мое кньиге, и ево како самь тавничкимъ врати-

ма срдито певао, мислећи да ћу съ тымъ оне што су ме затворили поплашити, и да ће ме пустити.

„Отворте се врата адска,
Ты Церберу кри челюсти, —
Ево сила Херкулеска,
Да те надно пакла спусти.“

А кадъ самь ослобоћенъ, онда самь споля на истимъ вратима ово написао.

„Ето видишъ милій роде,
Я због тебе дођо овде.“

Па дакле аратосъ и певаня славе рода Србскогъ и родолюбія, кадъ се овако награђує, и дошло ми є да кунемъ и светога ЋИРИЛА и МЕТОДІЯ, што су **азбуку** начинили, а и онога, кои ме є на овай тралявый занатъ дао, те да оволико патити морамъ. — Паде ми на умъ єдно сатирично ядикованѣ єдногъ нашегъ крущкаціе, кои є у мацарскомъ рату быо, што се и нѣгове заслуге уважиле нису, и што ніе за капетана произведенъ, коеће мыслимъ овде на своемъ месту быти. Носећи онъ сирома на глави пуну таблу ябука и крушака, и викаюћи сокакомъ: „КРУШКИ, ЛЕПИ ЯБУКИ, (место крушака и лепи ябука) како бы гди таблу скинуо и ябука меріо, тужіо бы се овако: „Я ПОГЛЯ ПОШТЕНСКО! (показуюћи на таблу) ТОВА СИ Є ПОШТЕНСКО? СЕГА ДА ПРОДАВАМЪ КРУШИНѢ. —

Я САМЬ ДУМАЯ ДА СИ ВОЄВАМЪ ЄДНО, ДВЕ МЕСЕЦЪ, ПА ДА СИ ЧИНИМЪ ФИСИРИНЪ, Я ПОГЛЯ СЕГА! КОГА СИ Є НА ВАТРА И НА БОЙ, Я СИ ТУЧИМЪ, ДОЊЕ МАЦАРИНЪ КРАЙ МЕНЕ, Я ИЗВАДИМЪ ЄДНО ПИСТОЛЪ — ТРАСЪ — УБІЄМЪ ЄДНО — ИЗВАДИМЪ ДРУГО ПИСТОЛЪ — ШЛЬИСЪ — УБІЄМЪ ДВЕ — Я СЕГА ОНІЯ СИ Є ДОШАЯ ОДЪ КАМ'ТО БЕЧЪ И ОБЕСИЛЪ ТРЛИЦА (показаюћи прстомъ на официра, а трлица є сабля) И МУ ЧИНАТЪ О КАЛДРМА — ТРАСЪ — ТРАСЪ — И ГО ГЛЯТЪ ФРАЙЛИ НА ПЕНЦІЕРЪ, И МУ ВЕЛАТЪ — СЛУЖБА — (службеница) А Я СИ ПРОДАВАМЪ КРУШИНЋ И БОЗА, — али „небуди ти жао госпо Мацо, єръ вальда є какова разлика између моєга и твоєга гласа“ вели іой папагай, па самь се и я тога држао, нимало немыслећи, како ће ме КРУШКАЦІЄ САЛЕПЦІЄ БОЗАЦІЄ И САКАЦІЄ судити и осуђивати, а за Васъ ніе ми могло ни пасти наумъ. — — —

Садъ Вамъ г. одъ волћ. стоя, ово моє писмо, ил' овако ил' онако срцу примити, єръ я се ни Васъ ни Ваши БАТИНА небоимъ: и кои белай Васъ набрди да Вы у мене дирате и самномъ спрежете? — ! (Ємачно ниете се надали, да є у мене она Херхулова инаєтъ лопта). — Него оветъ поштенћ и правда мора Вамъ добру страну окренути, ако Ромогъ Дабе адиђара небуде; — но ако Вы мени ускоро непош-

лѣте двадесетъ дуката, я ћу ово писмо у све европске новине или у кньигу метути, па нека светъ суди, или треба я да добіемъ СТО БАТИНА, или Вы мени да дате двадесетъ, или правіе рећи СТО ДУКАТА, па кои изгуби; али чини ми се, да ћете се Вы више око апелате,него я око овога писма, мучити, па ћете опетъ платити морати; велимъ мораћете, єръ самь уверенъ да людски недате: зашто самь слушао, а и наши прилози сведоче, — да є Вама споменути о даваню новаца на ползу рода и обштеполезны заведенія, и полезны кньига, као со у очи, — него бы ми опетъ пружили кои цванцыкъ, кадъ бы знали, да бы я могао єдну годину одъ ТРИДЕСЕТЪ И ШЕСТЪ МЕСЕЦЫ начинити, — — — кое за сиромахе практиканте и писаре ніе нуждно: и врло бы добро было, да се о правлѣню више месецы даде єдно явно мнѣніе, и учини предложеиѣ надлежномъ месту. — Како Вы велите? — Я самь овде тога мнѣнія, да се отиде у астрономичку кулу на Герзелезу, и да се упыта Невтонова и Коперникова сѣнь, дали се наше звезде: ЗОРНЯЧА И ВОЛУЯРА, — кое су доста повелике, у месеце окренути могу, па є онда за осталый поредакъ календара врло лако; — и ово бы намъ одъ велике ползе было, єръ бы западный календаръ, кои є одъ насъ украо дванайстъ дана — и кои єднако, ћа ово, ћа оно краде, далеко претекли. — Єлте да є овако? —

Е г. я бы реко да є већъ доста, и да бы Вы радо казали: „ЦАБА ТИ КИРІЯ СКИНИ МИ СЕ СЪ КОЛА“ — алъ ево враги гди ми башъ садъ іошъ нешто паде на умъ, и зато се морамо башъ до места возати.

Я самъ се одавно каніо писати или ученомъ друштву или правителству, или решително ЗАБОСТИ ПЕРО У НАЙВЕЋА ВРАТА — и искати, да се умени и моіой фамилій опредѣли годишнѣ сходно уживанѣ, па да и кодъ куће, и у путованю, пишемъ све што є само наше, и одъ насъ НАЧИНЂНО, и да напнсану кньигу назовемъ „СВАШТАРА“ (каква бы то накараде быле? ка' у Райка капа). По самомъ нѣномъ наслову види се, да бы она могла у себе више ствари примити, него Хаџи Неделькова Телалница — али све самь се бояо и єднико се боимъ, да се нерече: „шта онъ може написати, кадъ веће науке нієе теоретично учіо.“ (Та ніе ни Доситей. — Опетъ онъ! одма Доситея као небу иза пояса. — Ђе дуга? Ђе магаре? А да шта є у Халли и Лайпсигу радіо? — То што и я у Крагуевцу) — Али вальда башъ ніе ни тако: єръ мы ако нисмо Грцы ни Латнни, дао намъ є Богъ паметъ и разумъ као и ньима, вели Светогорцу старацъ капетанъ о нѣговой слави у Басни Доситеовой; а и самъ признаемъ, да више, ништа редовно учіо нисамь, него ону велику штицу као Херкулесъ

— и на њой оно велико ξ. Ψ. Θ. V. као Ероглифе на египетскимъ Пирамидама, — и поредъ тога нешто мало изъ Буквара: „Ятакъ неходилъ самъ красти и плѣнити, но зли люди совокупляли ся въ домѣ его“ и далѣ: „Малій крадецъ, Вампиръ, и глоговъ колацъ“ — и изъ Псалтира: „вскую шаташася язицы“ и т. д. и т. д. па се ни усудитинисамь смео, и зато мије овай нашъ разговоръ врло добро дошо, зашто знамъ да сте Вы знаменито лице, и да Вамъ речь проћи може, — еле нудеръ, те будите мукаетъ томе, и слободно ме препоручите, — а я Васъ увераваму, да Васъ осрамотити нећу, еръ одъ моега ученя Буквара и Псалтира до данасъ, има већъ скоро тридесетъ година, — и я самь одъ оно доба до данасъ, обишао сви петъ части света, као: Азію, Африку, Европу, Америку и Аустралію, — и сва мора, као: Азовско Црно, Елеспонтъ, Бело, Касписко Средиземно, Адріатично, Атлантично, Балтяско и Ледено море (Нота-бене по мапи.) Видіо самь, Пекингъ, Лондонъ, Паризъ, Цариградъ, Александрію, Берлинъ Петроградъ, Атину, Бечъ и Штокхолмъ, (у земльописанію) и нерачунаюћи мое Меленце, Кикинду и Бечкерекъ, и нашъ Београдъ, Гургусовацъ, Брусницу, Лозницу и т. д. И познаемъ Ноя, Саула, Немрода, великогъ Александра, Дарія, Пріяма, Хекубу, Ахила, Тита, Марка Аврелія, Перикла, Атилу, Гойника, Душана, Вукашина, Кнеза Лазара, Хиндрика

гологлава и боса предъ папинимъ вратима. — Папу и нѣгове буле, — Колумба, Лутера и Наполеона (по исторіи). Видіо самь Юпитера съ пуномъ шакомъ громова и громовный стрела како біе људе. — Амора гола голцата — са стреломъ у руки како стреля луде (не људе) и како имъ главе мѣше подъ ноге, еръ му трупъ нетреба. — Меркура како краде одъ Юпитера тальнге (изъ Митологіе), — и Вулкана турена съ неба на Штайнлехнеровой кући, како съ еднымъ великимъ баросомъ изъ Етне ил' Везуфа донешенымъ куе, а ово е доста; — и тако дакле имате се на шта ослонити; но ако тамо по несрећи не усуспѣте, — а Вы се Васъ неколико сложите, и издржите ме едну годину дана, па ћете видити, да ћу моћи и оданде наћи што људски да напишемъ, ди се две баре разговараю, — кое ако башъ небуде врло лепо, неће быти ни скупо, еръ я нетражимъ выше одъ 7—8 дуката на месецъ, а за Васъ неколико, кои дукате на хиляде броите, толико е и тако дати по 10 дуката, као кадъ бы Васъ повелика бува яко пецнула, — а то е лако издржати; него е болѣ да се потрудите, да се ваше кесе недотакне, а то е или по реченомъ начину или да ми издѣйствуете службу судіе, — а то е таманъ за мене, еръ су ми закони болѣ позиати, него баби Велики карте и пасуль. — Хоошъ! стани кочіяшу; — ево насъ предъ зданіемъ книза Міяила одъ три ка-

та. Ту има велика кафана съ два биліяра, има доста соба и правительствена Апотека, я ћу ту на конакъ, нарочито због Апотеке, єръ самь се због говора и трућканя — и уморіо, а мало самь и назебо, и зато ћу наручити єдну повелику чашу шампанћра (оћетелъ Вы єдну?) — оћу рећи одъ зове тея, те да се изноимъ, — а можда ћу и на чишћенћ узети, єръ самь се у говору доста и єдити морао. — И сада г. лаку ноћъ, желећи Вамъ у напредакъ лепше и правіе мысли и болю паметь имати, Србинъ родомъ изъ Меленаца, а одъ старине изъ Колашина у Ерцеговини, а Старой србіи, а сада житель и граћанинъ Београдсій, а за Србію природеный, а по србству и србству найроћеніи опетъ,

У Београду 25 Новембра 1851.

Србинъ

Глиша а нетдашьій

Гига Зубанъ.

Примћчаніе. Нека нико не мысли да самь се я овлико мучіо и написао за любавъ двадесетъ дуката, єръ самь добро знао, да бы овай мой г. радіе приміо оно што е мени обећавао дати, — него да се са двадесетъ дуката растане. Додуше свете су све наше пословице, измећу кои єдна вели: „свака шала пола истине“. Еле да се овай мой г. преваріо, и мени двадесетъ дуката послао, я бы ово као сирома човекъ, баръ за саданћ време прећутао,

(о бѣдно у божество скакомъ ли ти злу учишъ) но да самь одкуда Родшилдъ, Шеремећевъ или Хинд-Оглу, небы ме подмитіо, ни сасвимъ благомъ богатогъ Мидіяса; али почемъ є онъ такавъ човекъ, да се до данасъ ніе ничимъ гледао правдати, бранити, или опроштеня искати, то и я оћу моє обећанѣ да испунимъ; и тако предаюћи ово моє „Шљиве за Вращно“ свету у руке, свакога молимъ, нека суди и каже, ко има право, я, или мой г. Напослетку я и зато ово дѣло даємъ печатати, што се надамъ, да ће намъ у млогимъ и млогимъ случаєвима за примеръ служити, — а и зато, што себи ласкамъ, да ће намъ и одъ веће ползе быти, него сви наши Романи, надъ коима се врло лако плаче. — (Я овде никако ие рачунамъ Миту и Алексу, или Лажу и паралажу, ћиръ Яню, Покондирену Тикву, и Злу Жену, єръ ту нико неплаче и неуздише, него се светскимъ будалаштинама изъ грла смеє, и чува се да не буде онаки.) И кадъ є већъ речено да ћемо съ дѣломъ на видило, онда дела баръ іошъ нешто да говоримо. Ово є дѣло прешло цензуру и надцензуру и т. д., па зато є млогима и млогима познато, и свакій га є фаліо, и советовао ме, да га печатамъ, но кадъ самь имъ споменуо да треба новаца, онда су неки говорили то, а неки ово, и готово свакій изговарао се тиме, што є веома слободно напнсано. (Цару Іосифу поднесе Рабенеръ своє єдно дѣло вр-

ло слободно написано, и замоли га да исто прочита и у светъ пусти, казавши, да оно осимъ Бога све друге личности на свету дира и претреса. Овай га запыта: „па заръ и мене“, „„и Васъ ваше величество““ одговори списатель. Е дакле кадъ є тако, онда нетреба да га читамъ, него се на исто подпише, и заповеди, да се безъ цензуре печата. Камо срећа да є овай монархъ живъ, те бы ми за цело кньигопечатню платіо.) — Садъ дакле ево дѣла на свету, и садъ свакій може по неколико дуката послати, и то што више, то болѣ, (видићемо како ће се показати), єръ ће одавде свакій видити, да самь у намери писати кньягу „Сваштара“ коя новаца потребує, єръ се безъ ньи неможе ни на очинъ гробъ; — а садъ се нико други нема ничега бояти, него ако што буде, онда самь я ту, — али незнамъ дали ћу се на раатлуку као садъ одговарати моћи. —

Хайте да видимо іошъ ово.

Пре неколико дана, іошъ ме є еданъ г. іошъ знатніи одъ овогъ дирао, али съ млого благородніе стране, овако:

Г. Богати Зубане! а одкадъ ти постаде списатель?

Я: Одкадъ самь дошо у нужду, и постао сиромa. — Овде реченый г. учини велику почивателну, и настави далѣ.

Г. и Ти пишешъ саме орігінале?

Я. Єсть, али зато, што преводити нискаквогъ єзыка неумемъ, а башъ и да умемъ, тешко бы се на то склоніо, зашто я оћу да самъ списатель, а не преводчикъ.

Г. Тако ми Бога! ти оћешъ да се начинишъ нашъ читавъ старый Вуићъ.

Я. То незнамъ, али видимъ да смо єднаке среће, а не бы реко да смо єднаки мысли, — но и Вуићъ є нешто ползе роду принео, па вальда ћу и я. Онъ є писао понайвише са о б а ч е, Видаковићъ са а х ъ Б о ж е! и о х ъ Н е б о! г. Вукъ Караџићъ и нѣгови послѣдовательи пишу са іота (j) и са и х о в и м а и а х о в и м а безъ дебелогъ єра (ъ), а я ћу писати са б у д у ћ и и повыше є ћ и и и в ш и, и са найдебльимъ єромъ. — Вуићъ и Вида. ковићъ писали су И с т о р і ю, Ж и в о т о п и с а н і є, Р о м а н е и М о р а л е (у Р о м а н и м а), г. Вукъ по найвыше пише н а р о д н е п е с м е, — и ово се радо чита. — Пише о б и ч а є и г о в о р е, ћ е р м е (ћ), ћ е р м е (ћ), єлѣ (љ), єнѣ (њ), и криворепате і о т е (j) на коє Р о м а н и с т е, М о р а л и с т е и Ц о п о в и с т е, — наопако мрзе, — а я ћу писати с а т и р е, и к о м е д і є, нарочито, ако намъ се театеръ, начини,, као што се поговара, єръ светъ найрадіе комедіе и чи-

та и слуша, па и плаћа, а зато, што онъ самъ, ништа друго ніе, него комедія.

Г. Нуто! а заръ се наопако и у зао часъ и у театру прави комедія? — !

Я. Ой! Хой! те доста пута: єръ на плацъ изиђе какавъ шпанскій ритеръ Донъ Педро, или нашъ Любомиръ, Светоликъ, Силоанъ, и т. д. младъ и лепъ, или ако башъ и ніе одъ природе таки, а нѣга намолую, или му на главу натуку кошницу, — оћу рећи лорфу, — и начине га лепшегъ одъ прекрасногъ Іосива. — Повръ лорфе мора имати на глави шлемъ, на левой руки штитъ, на прсима доламу съ токама, а о бедрима мачъ, ими палошину Облачића Рада одъ деветъ педи. — Нѣга већъ чека као на удвою Венера, — съ по неколико Фурія, — кое іой нѣне пурпурне поле, само съ по два прста држе, и да се неугужаваю, и неукаляю и како іой се или Донъ Педро, или башъ Дели-Стоянъ изъ Котара, кои є хайкуну девойку, сею Мустай Бега личкогъ изъ средъ Сарая одвео, и изсеко педесетъ турака, приближе, они одъ нѣногъ величественогъ и очараногъ погледа изгубе присуствіе духа, забораве за штитъ и мачъ, и за све свое Ритерство: — и предъ ньомъ на колена падаю, и са ахъ Боже и судбо! — съ крайнымъ понижаемъ ишту нѣ. ну руку. И за нѣну любавь, готови су оставити оте-

четво, баталіонъ и корпусъ, коимъ заповедаю, и све благо на свету, — е она се укипила као ружа у чуну, — и наводи несоединиме узроке, кои су ій вечито раздвоили; и напоследку да бы ньіовой несретной судби, или правіе рећи, ньіовой будалаштини, удовлетворили, — свако себи ножъ у прси забоде. — Крвъ се врућа пуши и пенуши, — а они едно другомъ на прсима лежећи, — душу не на уста, — него на ранну — наполћ пуштаю, па е демону предаю, — и онда завћса пада, а гледаоцы одъ жалосногъ позоришта оросе театеръ сузама, осимъ мене, кои нисамъ изъ те парохіе. — Садъ наши г. г. младићи и господичне, съ ускиплћнимъ чувствомъ, текъ по кадкадъ баце онамо погледъ, куда ій занешена младость и буица природе тера и веже, — и тада се ова рола у ньіовимъ прсима и срцама найсубтилніе толкуе, — и онда се Амору подобно — „яко кадило предтобою“ — подноси, — немыслећи низакакове послћдице. —

Г. Душе ми мое Зубане! ты нмашъ право, али што све државе имаю театре?

Я. Т. е. у Еврепи, и по престолнымъ варошима, или іошъ у погдекоіой коя е велика; но я бы реко, да Тарквиніевъ синъ Сектусъ, небы Колатинову жену Лукрецію осрамотіо быо, да се Римляни веома нису были на куле и театре одали. — А шта бы рекли за ону француску актерку, коя е у Петрсбур-

гу кое у театру, — кое у своме квартиру, — начинила **ЄДАНЪ МИЛІОНЪ РУБАЛЯ** за кратко време, дали є то моралъ или нешто друго? —

Г. Та чекай мало да се одморимъ, єръ си ме окупіо као зграмула. Ты знашъ да я нисамъ списатель и филозофъ да ти на то одговоримъ, него да є мени Марсъ подчинѣнъ, и да о миру и поредку у држави знамъ говорити. И да ми се тай твой разговоръ недопада, колико є опоръ, већъ би се до сада у ладу одмарао. — Него да ово прекинемо, и да дођемо на правый разговоръ. По твомъ мнѣнію дакле ніе никако потребанъ а камоли нуждан театеръ?

Я. Вере ми г. на ово незнамъ ни самъ како да Вамъ найправіе одговоримъ, но преко свега види се да не велимъ, да ніе потребанъ него да се гледа шта ће се у нѣму представляти, и я ово што годъ самь говоріо, недржимъ да є ништа друго, већъ єданъ предговоръ за нашъ будућій театръ; а ако се начини, и я будемъ живъ, онда ћу гледати да се са бине подуже разговоримо, а за садъ є доста, и я се враћамъ на ваше задиркиванѣ. Вы ме мало измеявате да самь списатель, а я опетъ Васъ пытамъ шта ћете Вы написати?

Г. Ха! ха! ха! та то се разуме, написаћу да се списатель — кои слободно говори у апси. —

Я самъ мысліо, Вы ћете рећи да ћете написати да ми се даде 5-600 талира па само да пишемъ, а я самъ ово и безъ Васъ знао, — ако се шалите, — еръ то є списательско наслѣдіе: — Него се Вы тога оканите, и гледайте да Вамъ я у залудъ необіямъ и лупамъ врата. — На ово ми се любко одговори овако:

Г. Да видимъ, — быћешъ у виду. —

(Завѣса пада, и садъ ћемо очекивати другій актъ)

НАДПѢВЪ КНЬИГИ.

ШЛЬИВЕ ЗА БРАШНО.

Одъ искона до у безконечѣ,
Богъ Богуе смртномъ непостижно.

Чубра.

Да є шльива, и брашна бы было, —
Идобро бы с' око мене свило; —
Али нема ни брашна ни шльива,
И садъ ми є сва природа крива; —
У природи понайвыше люди,
Коино су свакояке ћуди, —
Па по ћуди свашта нагађаю; —
И одъ меда-чакъ отровъ стваряю. —
Алъ є тако — па нека є тако, —
А я животъ провешћу овако:

Што безъ шльива што безъ руйногъ віна;
Што л' безъ бриге, — што л' съ бригомъ безъ сана. —
Исправляюћ' свуда Криву Дрину, —
А негледећ' свою сиротиню. —
Часъ се пенюћ' небу у облаке! —
Часъ силазећ' у Плутона мраке! —
Часъ кривећи Цара и Ћесара, —
Часъ недавши ни ратару мира, —
Часъ зовући изъ планинаа виле, —
Часъ градећи по воздуку куле! —
Често гладанъ у креветъ лежући, —
А на горе яде устаюћи! —
Но вальда ће скоро време доћи,
Те ћу и я съ овогъ света поћи. —
Па ће м' быти равно до косова, —
И безъ брашна и віна, и шльива; —
И безъ пара и лепогъ одела, —
И зезъ чувства, кодъ саданћгъ тела, —
Но текъ земля, као што самь быо,
Богъ Адама када є створіо,
Што ће рађатъ и брашно и шльиве, —
И велике по дрвима гльиве! — — —
— — — — —
Па ти кньиго чини одсадъ твоє,
А я ево све у чини моє, —

На Светогъ Танасія 1861 године.

☞ Я самь досада, осимъ ове: „Шљиве за Брашно“ израдіо, и у Србскій светъ пустіо іошъ четири кньиге: „Бој Срба съ Мацарима, — Бој на Граову, — Гласъ Народа Гласъ Сына Божіегъ, — и Србско Веселѣ“ — и смемъ казати, да су све одъ публике лепо примљене, зашто о томе имамъ и писмени и усмени доста увереня; а нарочито ово дѣло млоги су тражили да га имаю, коє ми є и дало повода, те самь га дао препечатати.

Я сада имамъ у рукопису іошъ три дѣла за печатню спремљена, и прво носи насловъ: „*Князъ Милошъ на Любићу*“ *друго „Милобрука, или Мартинъ Магарашевићъ“ — и треће: „Сваштара“* о коємъ се дѣлу и овде у кньиги споминѣ. Прво є исторична драма, имаће петъ дѣйства, и слѣдуюћа дѣйствуюћа лица: *1. Князъ Милошъ. — 2. Нѣговъ братъ Іованъ, — 3. Іованов писаръ Сима Милутиновићъ Сарайлія. — 4. Милићъ Дринчићъ, — 5. Сима Ненадовићъ, войводе, — 6. Павле Штуле и Іова Добрача кнезови, — 7. Іованъ Мићићъ сердаръ, — 8. Сима Паштрмацъ баряктаръ, — 9. Танасіе Рацићъ топџія, — 10, Архи-*

мандритъ Мелентіє. — 11 *Іованъ Вукомановићъ писаръ Княжевъ.* — 12. *Антоніє Пећавићъ доглавный момакъ княжевъ.* — 13. *Ванинъ са изъ Кнића са два друга.* — 14. *Два гласоноше,* 15. *Чаушъ.* 16. *Єданъ заробљћник у Чачку.* — 17. *Єдна заробљћница у Чачку.* — 18. *Ћая Паша.* — 19. *Мухамедъ Бегъ сынъ скопљяковъ.* — 20. *Серезъ Бегъ Юсуфъ.* — 21. *Карамустафа Капи бинбаша.* — 22. *Дервишъ Бабадулъ.* — 23. *Серчешма Делибаша.* — 24. *Враня Паша.* — 25. *Турско роблћ.* — 26. *Три бабе кое разбіене непріятелћ съ преслицама бію;* и напослетку разуме се да ће быти боя, и да ће се представити и *две тукуће се войске.* Другого є опетъ Драма али сатирична, и изсмеява разне будалаштине. — Имаће четири дћйства, и дванаесть дћйствующи лица. А треће пакъ какво є, читатель є разумео изъ ове кньиге. Сва та три дћла, я самь радъ, да ій до идућегъ ћурћева дна издамъ у светъ, и то онако редомъ као што самь овде споменуо, и радъ самь на сва три имати уписнике, па зато сваког родолюбивогъ и просветолюбивогъ србина молимъ, да се прими быти скупитель уписника, и то было на єдно, а бы-

ло на сва три дѣла; но одъ данасъ за шестъ неделя, желіо бы имати уписнике на дѣло- „*Князъ Милошъ на Любићу*“ ков ћу прво печатати. Цена ће књиги быти єданъ цванцикъ. Новцы ће се дати, кадъ се књига уписницыма преда у руке. Уписнике нека Г. Г. скупительи на лакой артіи пописане, пошлю мени овде у Београдъ на Теразіяма кодъ дуда. или трговцу Рисги Н. Меанцићу спрамъ правителствене књгопечатнѣ. Єданаєста књига да ће се на даръ. Могу се уписницы и за све три књиге послати, а и оне ће коштати по єданъ цванцикъ.

Ако се кои родолюбъ нађе да се прими быти скупитель уписника, тай може поканити свакога и за ову књигу, па нека ми яви колико ій ньи исту желе имати, и я ћу толико комади књига послати, а нека ми се верує, да ће цена найумеренія быти. И овде ће се єданаєста на даръ дати.

БИБЛИОТЕКА
МАТИЦЕ СРПСКЕ

23548

Ова књига може се добити код ме-
не, и код трговца Расте Н. Меанџића
према Правителствене књигопечатњ.

Нека читатељи сами по смислу по-
грешке поправляю.

120

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ

Р19 Ср I 207. 1